Я. Л. Забудская

К ПЕРЕВОДУ «ПОЭТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ 1456 А 25

Данное сообщение представляет собой попытку несколько нетрадиционной трактовки высказывания Аристотеля о хоре в трагедии в «Поэтике», 1456 а 25: καὶ τὸν χορὸν δὲ ἕνα δεῖ ὑπολαμβάνειν τῶν ὑποκριτῶν, καὶ μόριον εἶναι τοῦ ὅλου καὶ συναγωνίζεσθαι μὴ ὥσπερ Εὐριπίδηι ἀλλ᾽ ὥσπερ Σοφοκλεῖ.

1. Рассмотренные нами переводы этого пассажа – латинские (M. Wescher, Didot), английские (G. Else, I. Bywater, S. Haliwell), немецкий (T. Homperz), французский (M. Dufour), новогреческий (Σ. Μεναρδος), 4 русских (Б. И. Ордынского, Н. И. Новосадского, В. К. Аппельрота, М. Л. Гаспарова) – традиционно передают, с небольшими различиями, следующий смысл: хор следует считать одним из актеров, он должен быть частью целого и принимать участие в действии не так, как у Еврипида, а так, как у Софокла. Можно заметить, что такой перевод и толкование предполагает в тексте греческого оригинала нарушение синтаксического строя. Τὸν χορὸν в первой части предложения рассматривается как прямое дополнение инфинитива при δεῖ, а в следующем μόριον εἶναι τοῦ ὅλου хор становится логическим подлежащим и продолжает им быть при глаголе συναγωνίζεσθαι.

В труде Элса основной комментарий приходится на значение συναγωνίζεσθαι и функции дативов, а в начале пассажа предлагается добавить τὸν ποιητήν при ὑπολαμβάνειν[1]. Но и в этом случае анаколуф не устраняется, а необходимость в смене объекта и субъекта сохраняется, ведь в противном случае частью действия оказывается не хор, а поэт.

2. Является ли анаколуф, вполне подходящий конспективному стилю «Поэтики», в данном случае проблемой? Оборотов с δεῖ в трактате 54, но конструкция с повторением инфинитива при δεῖ со сменой объекта на субъект оказывается в «Поэтике» единственной в своем роде. Возможное решение – это зависимость всех трех частей положения не просто от δεῖ, а от ὑπολαμβάνειν, но в таком случае конструкция предстает многоступенчатой, несколько громоздкой и также не имеющей аналогов в тексте трактата (сходны, но не настолько отягощены однородными членами инфинитивные обороты 1456 а 3 и 1459 в 19).

3. Возможно рассматривать τὸν χορὸν как логическое подлежащее во всех трех частях аристотелевского положения, не только в двух последних, но и в первом. В таком случае хор становится ло

[1] Else G.F. Aristotle's Poetics: The Argument. Cambridge, 1957, P. 552-553.

гическим подлежащим при ὑπολαμβάνειν. Три основных аспекта значения для ὑπολαμβάνειν (Liddel – Scott): физическая поддержка, участие в разговоре, мыслительная деятельность. Бониц придерживается того же порядка в изложении значений ὑπολαμβάνειν у Аристотеля, и преобладающими оказываются контексты «участия в разговоре» и контексты с «ментальным» значением. «Поэтика» дает мало материала для рассмотрения спектра значений ὑπολαμβάνειν. «Риторика» дает 29 контекстов, по большей части в «ментальном» значении, но есть и значение «участия в разговоре». Мы предлагаем, отказавшись от «ментального» *считать, воспринимать, рассматривать* значения ὑπολαμβάνειν, рассматривать его здесь в действенно-вербальном значении (аспекты значений *подхватывать, поддерживать, отвечать* и т.д.).

4. Что за этим скрывается, можно понять, обратившись непосредственно к практике древнегреческого театра. Хорическая техника Софокла и Еврипида, к которым чаще других обращается Аристотель, имеет достаточно различий, но общая черта у них несомненна: это ориентированность хора на одного героя/героиню. Если в трагедиях Эсхила хорическая техника строится на полном или частичном противопоставлении по возрастному, половому и социальному признаку, то в драмах Софокла и Еврипида они совпадают, что свидетельствует о близости хора и героя. Связь эта проявляется в различных плоскостях: и в постоянных обращениях героя к хору или хора к герою, и в обязательном выражении сочувствия и поддержки, и в том, что с гибелью героя меняются функции хора в трагедии.

5. Итак, возникает такой вариант перевода: «хор должен поддерживать одного из актеров». Таким образом, в формулировке Аристотеля отражается двойственная природа трагедийного хора: ὑπολαμβάνειν – это его драматическая функция, μόριον τοῦ ὅλου относится к хоровым песням и функции лирической, а συναγωνίζεσθαι – обобщение функций хора, отличающихся в своей совокупности у Еврипида и Софокла, и именно последнему Аристотель отдает предпочтение. На этом свидетельстве основано устоявшееся в науке мнение о качественной (а не только количественной) редукции хора у Еврипида: «хор … должен играть роль не как у Еврипида, но как у Софокла. У остальных поэтов… хор поет вставочные песни…». Однако рассмотрение в связи с этим хоров Еврипида тоже как «вставочных» является преувеличением[2]. Аристотель в равной мере противопоставляет «позднейшим поэтам» и Софокла, и Еврипида. Противопоставление же хоров Софокла и Еврипида в

[2] Grube G.M.A. The Greek and Roman Critics. Toronto, 1965, p. 90.

другом: хор Софокла дидактичен, он выражает мнение граждан полиса, волю закона и богов; хор Еврипида, отличаясь тесной связью с одним из героев/героинь, представляет прежде всего его/ее интересы.

6. Возможный аргумент против нашей версии – это трактовка ὑποκριτής: «хор должен поддерживать одного из актеров» (вне зависимости от распределения ролей). Аргументом в поддержку тут может быть следующее: категория персонажа в аристотелевской поэтике не вполне установлена. «Ближайший» кандидат здесь – этос, но он в данном контексте был бы неуместен, что и могло стать причиной употребления ὑποκριτής. Заметим также, что ὑποκριτής не вполне подходит и для трактовки традиционной: причина этому принципиально иная природа хора в классической греческой драме, диалектная дифференцированность и удаленность на орхестре. Недостаточная терминологическая определенность слова ὑποκριτής отмечается Пикардом-Кембриджем[3], и вполне корректной для ὑποκριτής формулировкой является «участник диалога».

7. Представляется допустимым следующий вариант перевода: «хор должен поддерживать одного из участников диалога, быть частью целого и принимать участие в действии (по Элсу, «помогать поэту в соревновании») не в манере Софокла, а в манере Еврипида». Нельзя не признать, что такая трактовка снижает обобщающее значение пассажа о хоре, единственного во всей «Поэтике». И тут не может не возникнуть значительно более широкий вопрос о природе аристотелевского трактата: пусть это конспект либо несовершенная запись, допускающая непрозрачность конструкций, но речь теперь идет не о природе текста, а о сути метода.

В последующей традиции существовало два вида поэтик: описательные и нормативные. С эпохи Возрождения до романтизма трактат Аристотеля воспринимался как нормативный, как свод незыблемых правил, из которых исходили позднейшие теоретики. Затем труд Аристотеля стал восприниматься как изложение теории, относящейся ко вполне определенной исторической эпохе художественного развития. Нормативность «Поэтики» основана на дескриптивном методе. При том, что многое из «Поэтики» вошло в фонд теоретической мысли, Аристотель отразил художественную практику прежде всего своей, конкретной эпохи. К тому же нормативные части не всегда этой практике соответствуют, начиная с определения трагедии и заканчивая, скажем, ἁμαρτία.

---

[3] Pickard-Cambridge A. Dramatic Festivals of Athens. Oxford, Clarendon Press, 1988, P. 126-132.

В традиционном понимании это положение – нормативное, подхваченное через Неоптолема Горацием и воплощенное в драме Нового времени, превратившей хор в персонаж. В нашем понимании – дескриптивное, описательное, отразившее драматургическую практику аристотелевского времени и предшествовавшей ему эпохи позднеклассической драмы. Конечно, для подтверждения либо опровержения этой версии требуется и изучение статистики подобных оборотов у Аристотеля, и рассмотрение диахронического и синхронического среза употребления ὑπολαμβάνειν, и сравнение вариантов разночтений в рукописях, и анализ истории переводов «Поэтики». Предложенная интерпретация, ни в коей мере не претендуя на опровержение традиционной версии, единственной своей целью имеет возможное способствование пониманию как греческого текста, так и литературоведческого метода Аристотеля.

И. И. Ибрагимов

ПРИЧАСТИЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Языковой знак имеет значение *абсолютного времени*, если он соотносит какую-либо ситуацию с моментом речи. Наиболее регулярным способом выражения значения абсолютного времени в др.-греч. языке является глагол в личной форме, выполняющий функцию сказуемого в независимом предложении. Значение *относительного времени* (таксис) выражается в том случае, если описываемая ситуация соотносится на временной оси с другой ситуацией, как правило, описываемой формой со значением абсолютного времени.

2. Конструкции, наиболее регулярно выражающие значения относительного времени в др.-греч. языке, делятся на три типа: (1) сложноподчиненное предложение с придаточным времени, (2) сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным и (3) предложение, осложненное причастным оборотом. В первых двух типах конструкций значения относительного времени достаточно жестко определяются союзом и формами глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений. Третий тип конструкций стоит особняком: в литературе нет однозначного ответа на вопрос, выражаются ли грамматическими средствами в др.-греч. языке значения относительного времени в предложении, осложненном причастным оборотом.

3. Тем не менее, в грамматиках признается, что, хотя причастие в др.-греч. языке не выражает значений времени (“The participle ... is timeless” [Smyth 1956: 419]), но, вместе с тем, чаще всего причастие

презенса описывает действие, одновременное с действием глагола главной части, а аориста — предшествующее [Smyth 1956: 419-420]. Для того, чтобы установить, в какой степени значения относительного времени коррелируют с формой причастия, необходимы статистические данные, которых, по-видимому, на сегодняшний день нет.

4. Как только будут получены эти данные, появится возможность проверки имеющихся объяснений употребления причастий. Так, например, в литературе разделены употребления причастий в зависимости от того, описывают ли они ситуацию как “зависимую” или “независимую” от ситуации, описываемой глаголом главной части [Humbert 1960: 175]. Кроме этого, плодотворным должен оказаться учет взаимодействия значений относительного времени и лексической семантики глагола главной части, а также установление роли наречий времени, входящих в причастный оборот.

С. В. Иванов

К РАННЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В КЕЛЬТСКИХ ЯЗЫКАХ

В этой статье мы хотели бы привлечь внимание к проблеме эволюции относительной конструкции (далее – ОК) в древних кельтских языках и если не разрешить, то хотя бы поставить ряд вопросов, которые, как нам кажется, имеют большое значение для прояснения развития их синтаксического строя.

Ныне большинство исследователей сходятся в том, что отправной точкой для развития ОК в кельтских языках послужили обороты с и.-е. относительным местоимением *-*yos*, засвидетельствованным на индо-иранском, греческом, славянском и фригийском материале [ср. Schmidt 1996 : 24]. Это местоимение хорошо представлено в кельтиберском, где оно, судя по всему, имело полную парадигму склонения (ср. дат. п. *iomui*, им. п. *ioś* [de Hoz 1996 : 144]) и занимало первую позицию в ОК.

Вместе с тем, в памятниках другого континентального кельтского языка, галльского, мы находим два примера ОК, в значительной степени отличающихся от кельтиберских образцов [ср. Ziegler 1993 : 254-255]. Местоимение *-*yos* утратило флексию и присоединяется к исходу глагольной формы. Если мы примем положение дел в кельтиберском за древнейшее состояние, а галльское относительное предложение – за более позднюю инновацию, имело бы смысл смоделировать процесс этого развития, поскольку, как нам кажется, он не является столь уж самоочевидным.

Мы не находим в галльском никаких следов апокопы, которая могла бы привести к утрате флексии; следовательно, создавшуюся

ситуацию следует объяснять скорее структурно-синтаксическими причинами. Однако если, например, в др.-ирл. произошли фонетические изменения и коренная смена синтаксического строя предложения, в достаточной степени объясняющие рефлексы относительной частицы в этом языке, то порядок слов в галльском не принципиально отличается от кельтиберского. Говоря словами Майда, «можно считать правилом, что в кельтиберском, древнейшей форме древнекельтского языка, глагол как в главном, так и в придаточном предложении занимает конечную позицию» [Meid 1996 : 257].

В отношении порядка слов в галльском языке не существует единого мнения. Согласно Майду [Meid 1996 : 256], немаркированным следует считать порядок SVO. Ту же точку зрения поддерживает и Эска [Eska 1990]. С другой стороны, Айзек обращает внимание на жанровую маркированность многих галльских текстов, имеющихся в нашем распоряжении, и не считает возможным строить однозначные выводы о синтаксическом строе галльского на основании отрывочного и иногда с трудом поддающегося интерпретации материала [Isaac 1996 : 113-124] (ср. также [Russell 1995: 282-286]). Впрочем, как нам кажется, позиция самого Айзека также в определенной мере уязвима для критики. Так, например, в большинстве приводимых и реконструируемых им примеров с глаголом в начале предложения субъект просто не имеет лексического выражения, а маркируется глагольной флексией. Это отмечает сам автор (почему-то в отношении лишь двух примеров), говоря о том, что порядок слов в этих предложениях «лишь согласуется с порядком VSO», хотя нам кажется не совсем понятным и не вполне корректным даже такое смягченное утверждение. В любом случае, при всех возможных оговорках можно отметить, что в галльском глагол обладает большей свободой передвижения в рамках высказывания, чем в кельтиберском, и статистически чаще всего зафиксирован порядок SVO. Поэтому, как нам кажется, мы можем определить стадию развития, на которой находится галльский глагол, как переходную от кельтиберского состояния к состоянию островному.

В этой связи привлекает внимание и начальная позиция галльского глагола в ОК, совпадающая как раз не с кельтиберской, а с островной кельтской конструкцией. Ср., например, MARTIALIS DANNOTALI IEURU UCUETE SOSIN CELICNON ETIC GOBEDBI DUGIIONTIIO UCUETIN IN ALISIA («...кузнецам, которые почитают Укветиса в Ализии»). Но в отличие от др.-ирл., где во всех случаях, вне зависимости от статуса предложения, глагол регулярно занимает начальную позицию, в галльском мы наблюдаем различный порядок слов в главной и придаточной частях. Само по себе это не удивительно (достаточно вспомнить хотя бы такой всем

известный пример, как немецкий язык), но это обстоятельство лишний раз демонстрирует близость галльского к островному кельтскому и архаичность кельтиберского. В самом деле, требуется вовсе не так уж много чисто фонетических изменений, чтобы получить из формы DUGIIONTIIO стандартную др.-ирл. относительную форму глагола 3 л. мн. ч.

По-видимому, в кельтиберском относительные местоимения были если не полноударными, то полуударными, о чем говорит их использование в относительном диптихе (*iomui – somui*) и в конструкциях с нулевым антецедентом. Поэтому мы должны постулировать по крайней мере трехшаговую эволюцию к галльскому состоянию, которая будет заключаться в следующих этапах:

1) утрата относительным местоимением ударения

2) передвижение в постглагольную позицию по закону Ваккернагеля

3) утрата флексии (апокопа?).

То, что эти стадии (а именно, 2 и 3) следует располагать именно в таком порядке, подтверждают данные др.-ирл. языка, в котором относительная форма глагола не может присоединять суффигированные личные местоимения. Это говорит о том, что на ранней и не столь отдаленной стадии развития эти элементы воспринимались как единицы одного уровня.

Такой подход естественным образом объясняет начальную позицию галльского глагола в ОК в случае, если антецедент исполняет в ней синтаксическую функцию субъекта, и этот класс мы можем считать основанием для генерализации начальной глагольной позиции в остальных видах ОК. К этому типу относится один из двух наших примеров (с dugiiontiio). Второй пример (*etic Secoui toncnaman toncsiiontio meion ponc sesit buetiđ ollon*), по-видимому, демонстрирует объектную функцию (по поводу см. иную точку зрения [Meid 1996 : 262], но ср. более тщательный анализ [Ziegler 1993 : 255]). Мы не располагаем данными о том, какая стратегия применялась для выражения иных синтаксических функций. Мы можем лишь осторожно предположить, что в таких случаях для прояснения синтаксических отношений использовались анафорические местоимения, поскольку относительная частица неспособна различать синтаксические функции, которые выполняет в ОК антецедент.

В связи с вышесказанным интересно было бы проследить развитие в галльском категории причастия, выполняющей ту же функцию адъективации, что и ОК, но обладающей меньшими возможностями для выражения различных синтаксических отношений. В галльских надписях засвидетельствовано четыре случая употребления причастий [Schmidt 1988 : 25-27], и это говорит о том, что такая

грамматическая категория в галльском языке существовала. Вместе с тем, в др.-ирл. сохранились лишь лексикализованные рудименты и.-е. причастий [ср., например, Meid 2002]. Возможно, на галльском материале, в котором можно найти и причастия, и ОК, мы как раз наблюдаем конкуренцию и двух синонимичных грамматических форм. В сущности, речь идет даже не о двух различных категориях – причастии и ОК –, а о соперничестве между старыми и новыми образованиями в рамках одной и той же категории, так как глагольные формы галльской ОК в том виде, в котором они предстают в примерах *dugiiontiio* и *toncsiiontio*, с формальной точки зрения можно определить как причастия, ибо они удовлетворяют обоим критериям: не могут формировать предикат независимого высказывания и выполняют функцию адъективации. Результат этой конкуренции в др.-ирл. языке нам известен.

Как мы видим, процесс ранней эволюции кельтской ОК представляется отнюдь не тривиальным и заслуживает более тщательного исследования. Не проясненным остается вопрос о том, каким образом, в каком синтаксическом окружении мог начаться процесс, обусловивший полную утрату ударения относительным местоимением, а между тем ответ на него мог бы пролить свет на многие особенности развития ОК в кельтских языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

Eska 1990 – *Eska J. F*. Some Proleptic Pronouns in Gaulish // Celtic Language, Celtic Culture, 1990. P. 3- 12.

de Hoz 1996 – *de Hoz J*. The Botorrita first text. Its epigraphical background // Die grösseren altkeltischen Sprachdenkmäler, Akten des Kolloquiums Innsbruck, 29. April – 3. Mai 1993. Innsbruck, 1996. S. 124-145.

Isaac 1996 – *Isaac G. R*. The Verb in the Book of Aneirin. Studies in Syntax, Morphology and Etymology. Tübingen, 1996.

Meid 1996 – *Meid W*. Zur Syntax des Verbums im Altkeltischen // Die grösseren altkeltischen Sprachdenkmäler, Akten des Kolloquiums Innsbruck, 29. April – 3. Mai 1993. Innsbruck, 1996. S. 257-265.

Meid 2002 – *Meid W*. “Freundschaft” und “Liebe” in keltischen Sprachen // Irland und Europa im früheren Mittelalter: Texte und Überlieferung. S. 1-5.

Russell 1995 – *Russell P*. An Introduction to the Celtic Languages. NY, 1995.

Schmidt 1988 – *Schmidt K. H*. Zur Entwicklung indogermanischer Partizipien im Keltischen // Балканско Езикознание, 1988, № XXXI, 1-2. S. 25-29.

Schmidt 1996 - *Schmidt K. H*. Celtic: A Western Indo-European Language? Innsbruck, 1996.

Ziegler 1993 – *Ziegler S*. Zur Entwicklung der Relativsätze mit dem Relativpronomen *io- in den keltischen Sprachen // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1993, № 54. S. 251-270.